
Сопряженность смыслов и субъективность (Размышление над книгой)*

© 2021 г. А.А. Грякалов

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, 191186, набережная р. Мойки, д. 48.

E-mail: alexalgr@mail.ru

Поступила 03.04.2020

В статье представлены размышления о книге «Роман Осипович Яacobсон», вышедшей в серии «Философия России первой половины XX века» [Автономова, Баран, Щедрина (ред.) 2017], где собраны критико-аналитические работы, посвященные теоретическому наследию выдающего лингвиста и гуманитария XX в. Проблематика статей рассмотрена в актуальных контекстах гуманитарных наук и в перспективах современных философских дискуссий. Особое внимание уделяется таким темам, как поэтическое, язык, структура, месторазвитие, структурализм, творчество, субъективность. Присутствие идей Яacobсона в гуманитарном знании XX–XXI вв. показано во взаимодействии научных идей и в диалогах национально-культурных традиций. Этим подтверждается «вселенская отзывчивость» идей выдающегося ученого, что более всего свидетельствует о востребованности его взглядов в междисциплинарном пространстве философской и гуманитарной рефлексии: целостный охват *материала* и стремление к *теоретической целостности* с самого начала были в центре внимания Яacobсона. В публикациях сборника внимательно изучены основные константы теоретического наследия Яacobсона, представлена междисциплинарность в действии. Методологический *жест*, свойственный исследованиям Яacobсона, намечает и обосновывает важнейшую тенденцию формирования и трансформации знания XX–XXI вв. – нарастание значимости концептуальных взаимодействий и топологических устремлений мысли. Эти качества рефлексии содержат ход к экзистенциальным, антропологическим, эстетическим и этическим сторонам жизни: свобода творчества и свобода существования могут быть определены только на фоне символических детерминаций – человеческого языка в первую очередь.

Ключевые слова: поэтический язык, литературность, язык, структура, месторазвитие, функциональность, феноменология, структурализм, референтность, перевод, трансфигурация, топологическая субъективность.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-3-135-145

Цитирование: Грякалов А.А. Сопряженность смыслов и субъективность (Размышление над книгой) // Вопросы философии. 2021. № 3. С. 135–145.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-011-00899 «Деструкции (пост)современности и топологическая субъективность: утверждение субъекта-свидетеля».

Conjugation of Meanings and Subjectivity (Reflection on the Book)*

© 2021 Alexey A. Gryakalov

Herzen State Pedagogical University,
5, Moyka emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation.

E-mail: alexalgr@mail.ru

Received 03.04.2020

The article presents reflections on the book *Roman Osipovich Jakobson* [Avtonomova, Baran, Shchedrina (eds.) 2017], published in the series *Philosophy of Russia of the First Half of the 20th Century*, which contains critical analytical works on the theoretical heritage of the outstanding linguist and humanities of 20th century. The problems of the articles are considered in the current contexts of the humanities and in the prospects of contemporary philosophical discussions. Particular attention is paid to such topics as poetic, language, structure, local development, structuralism, creativity, subjectivity. The creative presence of Jacobson's ideas in the humanitarian knowledge of the 20th–21st centuries shown in the interaction of scientific ideas and in the dialogues of scientific and national and cultural traditions. This confirms the *universality* of the ideas of an outstanding scientist, which most of all testifies to the demand for his views in the interdisciplinary space of philosophical and humanitarian reflection: the holistic coverage of the material and the desire for theoretical integrity from the very beginning were in the center of attention of Jacobson. The publication of the collection carefully studied the basic constants of the theoretical heritage of Jacobson – shows interdisciplinarity in action. The methodological gesture inherent in Jacobson's research outlines and substantiates the most important trend in the formation and transformation of knowledge of the 20th and 21st centuries – the growing importance of conceptual interactions and topological aspirations of thought. These qualities of reflection contain a path to the existential, anthropological, aesthetic and ethical aspects of life: freedom of co-creation and freedom of existence can only be determined against the background of symbolic determinations – the human language, first of all.

Keywords: poetic language, literariness, language, structure, local development, functionality, phenomenology, structuralism, reference, translation, transfiguration, topological subjectivity.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-3-135-145

Citation: Gryakalov, Alexey A. (2021) "Conjugation of Meanings and Subjectivity (Reflection on the Book)", *Voprosy Filosofii*, Vol. 3 (2021), pp. 135–145.

Выход в свет подготовленного международным коллективом авторов исследования, посвященного «трудам и дням» Романа Осиповича Якобсона соединяет работы разных времен и научных контекстов – позиции дополняют друг друга. Можно сказать, они проблемно синхронизированы и топологически совмещены. Эта «вселенская отзывчивость» идей выдающегося ученого более всего свидетельствует об актуальной

---

* The research is carried out with the financial support of the RFBR, the project No. 19-011-00899 "Destruction of the (post)modernity and topological subjectivity: Approval of the subject-witness".

востребованности его взглядов в междисциплинарном пространстве философской и гуманитарной рефлексии – системный охват *материала* и стремление к *теоретической* целостности с самого начала были в центре внимания Якобсона. Подтверждение этому дает структура книги. В предваряющем основное содержание разделе «От редакторов» представлен емкий набросок замысла издания с указанием наиболее полных публикаций Р.О. Якобсона, названы значимые научные мероприятия, посвященные его идеям (это позволяет определить основные ориентиры интереса к наследию выдающегося лингвиста и гуманитария). Предуведомление «От авторов» не только показывает предельно насыщенный жизненными событиями и творческими достижениями мировой «феномен Романа Якобсона», но задает порядок «персоналистского» чтения сборника. Пробрасывая взгляд от предуведомления в конец книги, хочется обратить внимание на тщательно «хранительно-любовно» составленную хронику основных событий жизни и творчества ученого, которую подготовил Хенрик Баран.

Якобсон актуально моделировал пространство сопряженностей. Эти качества рефлексии содержат ход к экзистенциальным, антропологическим и этическим сторонам жизни. Именно личностную тему отметил Клод Леви-Стросс, вспоминая лекционные курсы Якобсона в Нью-Йорке (1942–1943), благодаря которым формировалось «структурное чутье»: лингвистика помогла преобразовать в совокупность «связные грезы, навеянные созерцанием полевых цветов» [Автономова, Баран, Щедрина (ред.) 2017, 235]. Только так, по признанию Леви-Стросса, можно было преодолеть чувство отчаяния от осознания трудности выстроить собственное представление «сосредоточенности на главном» – показе инвариантного в многообразном. Структурные отношения словно бы в буквальном смысле начинают жизненно *звучать* – звуки больше не рассматриваются отдельно от их функций в живом языке.

Во многих статьях авторов сборника реализован чрезвычайно значимый ход взаимных противопоставлений, благодаря чему может быть решаем вопрос о соотносительности и единстве структурных уровней. Значит, добавим, могут быть поставлены и актуальные вопросы о *силах* действия структуры, о субъекте и субъективности. А в качестве утверждающих *сил-свидетелей* выступают поэзия, живописное искусство и живая речь. Якобсон достигал в своих лекциях ощущения синхронности присутствия идей великих мыслителей разных времен и культур. В этой связи точно отмечено, что даже в поздней совместной работе Романа Якобсона и Клода Леви-Стросса, где дан структуральный анализ сонета Шарля Бодлера «Кошки», Якобсон остается близким к своим исходным методологическим посылкам – верен пониманию произведения как «особой эквивалентности форм»: установлен изоморфизм между реальным, ирреальным и сюрреальным мирами произведения и структурой грамматических форм. Но как раз для этого нужен вызывающий на разговор исходный смысловой *жест*: в сборнике актуализирована тема истоков и топологического родства феноменологии и структурализма. Рассмотрению близости позиций посвящены статьи Э. Холенштайна, Т.Г. Щедриной и П. Флака. Примыкают к этому исследования Н.С. Автомоновой и Т. Гланца. Близость исследуемого материала не означает совпадения позиций. Напротив, написанные в разное время работы не только высвечивают разные аспекты проблемы, но представляют динамику и направленность актуализации идей.

Соответственно, можно говорить о разных способах оформления целостности. Вспоминая истоки футуристского движения, Роман Якобсон – *будетлянин науки*, утверждал значимость для авангардного искусства научных открытий в области атомной физики, относящихся к пониманию пространства и времени. Б.М. Эйхенбаум, в частности, соотносил проведенный Ю.Н. Тыняновым анализ конструктивных принципов литературной эволюции с методологией точных наук [Эйхенбаум 1969, 390]. Актуализирована именно соотносительность – Тынянов в творчестве Хлебникова отметил предельное сближение науки и искусства. И пражские структуралисты, следует подчеркнуть, не рассматривали синхронию и диахронию как независимые позиции анализа. А Якобсон указывал, что наряду с существованием статических состояний, протяженных во времени, динамические состояния проявляются на уровне синхронии

как взаимодействующая целостность. Обращаясь к тексту и контексту того времени, нужно добавить, что для словацкого структурализма в большей степени, чем для чешского, характерно стремление быть *методологией науки*, являясь ориентиром лингвистики, эстетики, литературоведения, театроведения, теории живописи [Popovič 1970]. Выступая с программой научного синтеза, словацкий структурализм реализовал тезис о единстве науки и создавал общий *метаязык* гуманитарного знания. Эти уточнения следует подчеркнуть в дополнение к идеям, которые высказал Элмар Холенштайн.

Холенштайн выделил главное: Якобсон воспринял тему соотношения любых данностей на уровне развертывания горизонта данностей и на уровне сохранения их связей с определенным структурным типом. Поэтому и дальнейший ход структурализма будет связан именно с идеей структурности – это востребованный в будущем «новый проект становления». Отметим, что в совместной работе П.Г. Богатырева и Якобсона «Фольклор как особая форма творчества» говорится еще только о *форме*, речь не идет об интерсубъективности. Далее Холенштайн отметил, что проведенный Якобсоном фонологический и морфологический анализ языка следует рассматривать как «образец и модель для эйдетической феноменологии». И в определенном смысле, можно добавить сейчас, вариации такой модели представлены в исследованиях современных постфеноменологов. Однако Холенштайн завершил исследование сомнением в конструктивности контактов феноменологии и структурализма в тех вариантах, где возвеличена тема экзистенциально-философских и герменевтических ответвлений феноменологии (задействованы «причудливо сформулированные или вовсе не определенные ключевые понятия: смысл, субъект, история», что плохо согласуется с методологически и теоретически разработанными понятиями в структурализме).

Действительно, можно согласиться, что строго обозначенное в структурализме понятие *субъект* «становится похожим на демиурга», а в герменевтическом истолковании – «на режиссера авангардистского театра реприз» [Автономова, Баран, Щедрина (ред.) 2017, 128]. Холенштайн, исследуя процесс взаимодействия феноменологии и структурализма, настаивает как раз на другом: «согласно структурализму якобсоновской чеканки, а также феноменологии гуссерлевской ориентации» [Там же], смысл и история подчиняются инвариантным структурным законам. Соответственно, структурирование предстает как продукт деятельности не столько отдельных субъектов, сколько «бессознательных» слоев психики и интерсубъективности. Намеченные Холенштайном пути исследования отношений феноменологии и структурализма послужили ориентиром для дальнейших исследований проблемы в новых актуальных контекстах.

Особенность подхода Т.Г. Щедриной состоит в обосновываемом «двойном видении» проблемы и опять-таки с предельным вниманием к истокам. Действительно, становление европейского структурализма в объемном теоретико-методологическом и философско-эстетическом плане происходило под существенным влиянием русского формализма – *возврат назад* был в то же время движением или даже *броском вперед*. Идеи Г.Г. Шпета и сегодня звучат как «знак, посланный в будущее». Шпет, можно сказать, логически завершал ту линию мышления, к которой неявно тяготели формалисты. Именно это дает возможность «сводить» *феноменологию и органику* без тех утрат, о которых предупреждал Холенштайн, говоря о некорректном с его точки зрения герменевтическом и экзистенциалистском – «аморфном» – прочтении феноменологии. Структура имеет правила регулирования на всех уровнях, но в то же время подобна организму. Тут намечено понимание структуры как динамически развивающейся целостности, укорененной в «жизненном мире» (в структуральной эстетике понимание структуры как живой традиции впоследствии будет развивать Ян Мукаржовский). Т.Г. Щедрина определяет важный момент в становящейся теории структуры Якобсона – *опрокинутость* в историю с ее открытостью и незавершенностью. Так тема преодоления закрытости («исторический и культурный вакуум»), что переживается экзистенциально, способствует соединению личного и предметного не только в интимном послании-письме, но и в теории. Слово, согласно Шпету, есть архетип

культуры, оно «сохраняет свой динамизм даже в пределах типа»: «Единое и общее определяются обоюдным актом признания» [Автономова, Баран, Щедрина (ред.) 2017, 138]. Вывод актуализирует «двойное видение» отношений идей Якобсона и Шпета: философская тема целостности методологически спроецирована на конкретные области знания и культуры.

В продолжение темы в статье П. Флака уточнено отношение феноменологии Гуссерля и структурализма Якобсона – актуализирован теоретический фон, во всей множественности которого выстраивается энергетика поиска. (Ряд позиций контекста еще не был достаточно известен Холенштайну.) В частности, ссылаясь на работы Холенштайна и Я. Паточки, Флак подчеркивает новый момент в отношениях феноменологии и структурализма – это освобождение от «оков сосюрловских дихотомий», стремление создать эпистемологическую модель более высокого уровня. Так усилен ход к интерсубъективным свойствам языка. Другое дело, что нужно прислушаться к мнению Пьера Свиггера, отметил Флак: «Лингвистика Якобсона не основывалась на принципе редукции и не развивалась согласно этому принципу» [Там же, 158]. И тот факт, можно сказать вслед замечанию, что Якобсон никогда не отказывался от установки, которую Гуссерль называл натуралистической, дает возможность сопоставить ее не только с органическим взглядом на язык и структуру, но соотносить с лингво-органическим пониманием *месторазвития* и *персонологии*. Тут не только след русского формализма, где поэтический («заумный») язык – это умный язык, но и строй русской мысли, укорененный в «общеазиатское сознание в песнях» (В. Хлебников). В этой полемике о приоритетах важна тема (на)следования смысла. Исходное начало действует как порождающая модель рефлексии – практически все выдающиеся феноменологии «после Гуссерля» во многом «ересиархи»: в каком смысле это может быть определяемо как *феноменология*? Не случайно Флак говорит о Г.Г. Шпете, о голландском философе и лингвисте Х. Поссе и о М. Мерло-Понти. Таким образом, жест понимающего движения, осуществленный в статье Т.Г. Щедриной, не только знак археологии, но действенный жест развертывания актуальной мысли. Флак далее конкретизирует тему, полагая, что Шпет в ответ на идеи Гуссерля предлагает триадическую модель интуиции, где наряду с интеллектуальными и чувственными компонентами появляется интеллигибельная интуиция – этап промежутка-связи между эйдетической и чувственной интуицией, на которой совершается акт понимания (хотя сам Шпет, если судить по его рассуждениям в «Явлении и смысле», наверное, не согласился бы с Флаком). Тут намечен продуктивный ход к герменевтике фактичности. И синтез неокантианства, философии жизни, феноменологии и структурализма, о котором пишет Флак, обращаясь к наследию Х. Посса и его научным связям с Якобсоном, свидетельствует о жизненности синтетической и органической линий в гуманитарном знании. Можно говорить о взаимной обращенности – *стяженности* – вниманию к натуралистической установке в исследовании взаимосвязи между первичным осознанием и теоретическим размышлением: сближаются точки зрения Поса, Шпета и Якобсона в идее конкретного смысла переживания и языка.

Позже Н.С. Трубецкой, говоря о месторазвитии и персонологии, применит мало подходящее, казалось бы, выражение «бессознательная философская система». А Мерло-Понти защищал понятие «действующей интенциональности тела», где выразительность – это *словность* отношений между вещами, а не между словом и вещью. И здесь имеет смысл «археологического возврата» к истокам: Якобсон, подчеркивает Н.С. Автономова, никогда не был «догматическим» структуралистом – не отрывал структуру от истории, от динамики, пронизывающей в том числе и синхронный подход к языку (идея динамической синхронии), не отрывал анализ от аспектов значения, функции, цели. Структура при всей ее целостности и сыгранности уровней и рядов предстает открытой. Открытость же одновременно выступает как концепт и метафора: всегда актуален вопрос о силах действия структуры – не только о становлении понятий в разных контекстах, но о погружении понятия в среду культуры с ее жизненным наполнением. Именно эта нелинейность – содержательная *аритмология* мысли Якобсона – позволяет

ей не только проникать в разные научные контексты, но находить в них энергичные подтверждения и стать, в свою очередь, энергичным связующим звеном в мировом становлении идей структурализма. И здесь важный пункт вопроса о русской науке и спектре возможных ответствований, причем ответы нелинейно словно бы сами собой возникали раньше вопросов. Мысль Н.С. Автономовой о русской науке значима не только для анализа истории и логики структурализма – намечен ход к особому содержательному пониманию отечественных идей: только внешнему «автоматизированному» взгляду вопрос о структурализме русской мысли может показаться абсурдным потому, что ключевой термин является инородным по происхождению. Но если вопрос о русском структурализме событийно возвысится к «духовной традиции» и соборности, то утверждающий взгляд оказывается не только оправданным, но и плодотворным. Структурализм на деле и сегодня дает возможность предметного разговора о порядках и силах символической реальности в соотношении с жизненной органикой и отечественной традицией мысли. Структурный подход позволяет выявить и утвердить доминантные константы рефлексии и жизнестроения. Усилена ценность органики места – хотя то, что первоначально рассматривалось критиками как «онтологический пережиток», в структуралистском мышлении будет востребовано позже. И даже если допустить момент случайности во встрече феноменологии и *русской науки*, то сегодня надо еще более внимательно всматриваться в далеко не всегда очевидные силы и ценности отечественной мысли.

И отсюда следующий ход к фундаментальной проблеме *месторазвития*. П. Серию и Т. Гланц актуализируют проблему телеологичности – на первое место выходит понятие симбиоза, органической целостности. Можно сказать, и эту идею проводит Серию, что целостность и совпадения между *изоглоссами*, *изотермами* и другими *константами* культурных и природных изменений – это именно приведение к стяженности: задача науки уловить сопряженность разноплановых явлений, вскрыть закономерный строй. В связи с этим интересно отметить, что Ян Мукаржовский будет мыслить о структуре как развивающейся традиции [Mukařovsky 1966]. Месторазвитие и совокупность языков образуют целостность – пребывание в «некоем особом мире» (П. Серию). Здесь складывается философско-антропологическая проблематика структурализма, по выражению Серию, «любимой темы» Якобсона, тем более что у Якобсона языки «эволюционируют как живые организмы»: пространственное распределение системных явлений законосообразно и необходимо. Языкознание, будучи «общественной наукой», имеет законы, близкие к необходимым, – единый структуралистский логос может быть применен за пределами науки о языке. Демоны, против которых боролись Якобсон и Трубенцкой, пишет Серию, это *позитивизм* и *натурализм*: именно в противопоставлении к ним строится холистская теория целостностей. Однако здесь следует сделать уточнение по поводу корректности применения термина *холизм* к структурно-функциональной программе: функции вписаны в «структуру бытия» (П.Г. Богатырев), изменение которой вызывает появление новых актуальных функций. Структура словно бы прорастает в бытие, вовсе не являясь замкнутой. В философском плане это установка на удержание онтологического компонента мысли. Происходит методологическая конвергенция, создается сложное структурное поле знания.

Н.П. Гринцер, рассматривая языковую теорию Якобсона на фоне античной семиотики, указал на сходства и различия античной теории и новой языковой теории. Обоснованно отмечена значимость ориентаций на коммуникативную роль слова и своеобразием примат синтаксиса над другими областями, когда *сочетаемость* становится универсальной характеристикой языка и знака в *новой теории языка*. И как раз тот факт, что и Пирс, и Якобсон ратовали за сходные принципы семиотического анализа, свидетельствует об укорененности новой науки в традицию. Актуализирована, следует подчеркнуть, именно топологическая соотнесенность позиций.

Структурализм предстает в автономном и в то же время объединяющем междисциплинарном действии. На материале изучения курса лекций Якобсона «Формализм и современное русское литературоведение» (1935) Гланц демонстрирует то, как структурализм осваивает не только *близлежащее* к языку и литературе, но схватывает

и казавшееся достаточно отдаленным от интересов науки о языке. Лингвистика, настаивает Гланц, переплетается с политикой и даже расовой доктриной. Мир кириллицы противостоит олатиниванию – лингвистика совмещена с геополитикой, тем более что Якобсон при помощи теории фонологического языкового союза пытался доказать онтологическое существование Евразии (иными словами, СССР) как естественных территориальных единств, «составляющих целое». Но важно при этом иметь в виду, что взгляд Якобсона – не историософия, а *смысл и цель* мысли и жизнетворчества, которые поддаются расшифровке. Конечно, сам факт близости Якобсона к деятелям авангарда это косвенно подтверждает, однако нужно учесть ситуацию времени и определенное разногласие научного и политического дискурсов. Наверное, «романтическое всеславянство» Якобсона навсегда сохранило в себе футуристскую энергетику. И если Якобсон высказывал разочарование действиями формалистов – в частности, их «недостаточной диалектичностью», то его собственный ход обращен именно к диалектике понимания личностей и отдельных систем мышления. Целостное мировоззрение, которое стремился представить Якобсон, с необходимостью включало в себя антрополого-этические и эстетические компоненты. Эту тему целостности Вяч.Вс. Иванов актуализирует на изучении отношения *звука и значения* в концепции Якобсона. И установленный факт, что в разных языках есть общая черта, обнаруживаемая в раннем детском словесном творчестве, – это со школьных лет интересовало Якобсона, еще раз обращает не только к авангардным опытам в сфере символической функции звуков, но к проявлениям «антропологической константы» в структурализме. Усилены темы «многозначности», «прозрачности», «необозначенности» эстетической функции – эстетическое приобретает принципиальный смысл в контексте идей философской антропологии.

Статья *второго* раздела «Дисциплинарные поля и междисциплинарные пересечения» во многом дополняют и раскрывают перспективы идей Якобсона в конкретных областях гуманитарного знания – показывают жизнедействие его идей в научных диалогах с продолжателями. Вряд ли возможно точное определение основных стратегий воздействия идей Якобсона на гуманитарный контекст, тем более что открытия и интерпретации будут продолжаться. Рассмотренные в статье Вяч.Вс. Иванова идеи Якобсона в контексте мирового междисциплинарного движения свидетельствуют о новых возможностях фонологических сопоставлений. Таково осуществленное Якобсоном восстановление праславянских форм стиха, близких к индоевропейским, исследование проблематики собственного имени, нейросемиотические интересы – именно тут выходы к междисциплинарной проблематике знания. Представленные пути развития мысли Якобсона приобретают особенную действенность в сближении с психоанализом, этнологией, знаковой теорией – развивалась русская семиотика в пространстве отечественной философской мысли.

Б. Гаспаров приводит конкретные подтверждения из, казалось бы, далеко отстоящих друг от друга предметно-творческих сфер: поэтические творения Хлебникова и интеллектуальные усилия Якобсона направлены к обнаружению универсального ключа к тем невидимым силам, которые управляют бесконечными превращениями множественных потоков мысли и жизни – потоков жизнемыслия в мире. И как раз тут закладывается актуальное для настоящих дней представление о времени и временности – мир «предстает более панхроническим, чем устремленным в будущее, поливекторным, а не линейно перспективным» (Б. Гаспаров). Это может быть определено как «надвременной синтез», где пласты линейного эмпирического времени сольются в универсальном единстве: язык заключает в себе бесконечные возможности смысловых превращений. Рождающийся *сверхсмысл* предстает как общий знаменатель – если угодно, необходимо рождающийся эйдос («заумный язык перестает быть заумным», В. Хлебников). Возникает, можно сказать, несубстанциальное основание языка, преодолевающего в самом себе каждую отдельную единицу. Тут, отметил Гаспаров, сходятся вместе «общее дело» Федорова и объединение усилий Хлебникова. Имеет смысл сопоставить это со стремлением феноменологии на предотвращение кризиса европейских наук. Лингвистика Якобсона, делает вывод исследователь, переориентирована

с оси линейности на схему вертикальности – «с оси селекции на ось комбинации» [Автономова, Баран, Щедрина (ред.) 2017, 283], по выражению Якобсона. Актуализирована парадигматика множественность смысла, следует подчеркнуть, структурно упорядочена. И тут, замечает Гаспаров, словно бы переворачивается линейность: нужно осознать фонему «как пучок одновременных различительных черт» [Там же, 284].

Это говорит об углублении идей Якобсона – укоренении в языковую *физику*. Уникальная целостность системы неповторима. Сходство звуков в разных языках не означает совпадения их смыслообразительной способности. Следовательно, нужно спросить об аналоге *воображаемого* в поэзии «предсмертного откровения» – смысловом жесте тотальной континуальности, где в одном миге сошлись конечность и длящееся утверждение. Далее, следовательно, можно пространственно усилить смысл существования, где признаки различения предстают в симультанной комбинации. И теоретически мыслимые языки вплотную бы подводили к мысли о необходимости и возможности создания новой «поэмы утверждения» («сверхязык, более богатый, чем все конкретные языки, вместе взятые») – новой панхронической системы языка как «общего дела». Пробрасывая взгляд к сегодняшним дням, можно сказать, что, подобно тому как преобразование языка сменилось преобразованием его описания, в современной рефлексии трансформируются стратегии поиска и утверждения истины в соотноении множественных подходов. Мощь мысли Якобсона, делает вывод Гаспаров, сплавляет интеллектуальное разноречие в единое целое – образ всеобщей сущности человеческой коммуникации.

В статьях Й. Ужаревича и Н.Н. Казанского речь идет об экспериментальных истоках творчества языка – наследовании местных названий, архаических *словотворак* или *припаданий* к корневым словообразованиям. Эта идея «возвращенности вспять» относится не только к отдельным жестам слово-творения – любой символ привязан к настоящему и намечает возможные места будущего. Эксперимент в языке, можно сказать, оживляет язык. Языковая апофатика стимулирует творчество языка и стратегии рефлексии, способной иметь дело с экспериментом, когда «эксперимент еще недостаточно осознан» (Л.В. Щерба). Тут открываются во взаимной соотнесенности «возможное и невозможное» – так языковой эксперимент выводит к актуальным темам *неопределенного* и *неопределенности*, к которым всегда был внимателен Якобсон. Бытописание освобождено от рассудочной самодостаточности описания – вступают в действие новые поэтические и рефлексивные устремления. Так первично проявляются ростки будущего – можно сказать о *настоящем* во всех временах, включая архаику. Это то, что будет называемо по-разному – *поэтическим языком, литературностью, формой, структурой*. И здесь даже не так важен конкретный источник эксперимента, поэтического языка или глоссолалии – значим родовой исток отношений. Выявляется первичная языковая метафизика – интонационное единство. В связи с этим Й. Ужаревич актуализирует проблему поэтической функции: «Сосредоточение внимания на общении ради него самого – это поэтическая функция языка». Темы «комбинации», «принципа построения сочетаний» (Р. Якобсон) неотделимы от формы и формулировки поэтического феномена, причем аксиоматичность теоретического положения об автореферентности поэтической функции представлена реально именно в поэтической практике. Это поэтическая *вещность*. *Поэтическое* самим фактом своей несводимости отсылает к *иному*. Именно тут необходимость и возможность говорить о близости истоков формально-структуралистской линии и феноменологии.

Поэтическое «сообщение, означающее самое себя» (Якобсон), обращает к антропологическим проекциям функционализма: под вопрос ставится *прозаическое* существование. В произведении воплощена тотальность языка, которая, в свою очередь, соотносится с тотальностью мира. И побуждающий к дальнейшим размышлениям вывод состоит в том, что проблема соотношения лингвистики и поэтики в системе Якобсона остается открытой, понуждает смотреть на сопредельные области знания, где остающиеся открытыми позиции получают развитие, а в ряде случаев и решения в «параллельных мирах» гуманитарного знания.

Параллелизм идей Якобсона – не линейное следование, тем более не пассивное совпадение, а обретаемое в развертывании топологическое родство позиций. Т.В. Ахутина показывает, как именно Якобсон давал лингво-семиотическую интерпретацию афазических нарушений, переводя проблематику нейролингвистики в сферу лингво-семиотики. Выявлены судьбы языковых систем с точки зрения их действующих устойчивых единиц – это позиция определения устойчивых свойств речевого и, можно сказать, антропологического существования. Именно в поэзии Хлебников стремился найти основы *общеазиатского сознания в песнях*. Нейролингвистика пересекается с поэтическим призывом. Выявляются, можно сказать, все более «тонкие противопоставления»: константы топологически соотносены, что наиболее устойчиво при афазии в языковом поведении и поэтическом творчестве. И если исследование отношений гуманитарной методологии, лингвистики и нейролингвистики не столь частое явление, тем более уместно их творческое представление.

Столь же продуктивным является анализ понятия *децентрация*, данный Э. Асадзума во взглядах на коммуникативную теорию. Асадзума подчеркивает значимость такой составляющей языка, как *перенос*, когда поэтический троп не только создает тонкий и точный баланс многочисленных отношений, существующих между предметами, но и *смещает* устоявшиеся отношения. Наверное, тут можно вспомнить об исходной для теории поэтического языка формалистов идее *остранения*. И если при выборе слов говорящий не руководствуется «лишь своей волей», то подчеркиваемая Якобсоном *несвобода* коммуникации обращает к особому рода онтологии языка: субъективность, следовательно, фундирована местом («Значение определяется не говорящим, а слушающим» [Автономова, Баран, Щедрина (ред.) 2017, 357]). Дело именно в том, что если *говорящий вступает* в отношения смежности, то *слушающий* в них – *уже пребывает*. Разбор позиции заканчивается вполне определенно: «я» – это не абсолют, а подвижная переменчивая субстанция: «язык способен переносить нас во времени и пространстве» [Там же, 361] – в том времени и пространстве, где каждый уровень целостности особым образом структурирован. Другими словами, можно сказать, что событие «речи-встречи» – всегда уникально, и при этом никому из участников не принадлежит именно в силу «языковой децентрации»: экзистенциальный аспект речевого общения не закреплен в мерцающем центре встречи, а захватывает всю потенциальную периферию языка и существования.

Статья А.В. Бондарко актуализирует проблематику семантической эквивалентности при существовании различия: перевод вербальных знаков посредством других знаков данного языка, межъязыковой перевод и межсемиотический перевод обращают к семантике как целостному феномену. Это дает возможность анализа сложных и неоднозначно толкуемых понятий в том, прежде всего, плане, что смысл представлен во множестве носителей, как это актуализировано в современных когнитивных исследованиях. Исследуются функциональные отношения – смысловая основа и интерпретационный компонент сводимы в интенциональности: аспекты семантического содержания в истолковании Якобсона получают дальнейшую детальную разработку в построении многоуровневой системы вариативности смыслов, где взаимодействуют типовые категориальные смыслы и смыслы, выражаемые в актах речи.

Развивая тему возможных расширений модели Якобсона, С.Т. Золян рассматривает ее как порождающую модель на основе базовой структуры – внутренняя логика понята как «язык в действии». Комментарий Золяна показывают продуктивность идей Якобсона в понимании полисемантической поэзии, нетождественности самому себе поэтического повтора, возможности различных интерпретаций одного и того же текста. *Поэтическое* не уничтожает референтность, но делает ее неоднозначной – тут, подчеркивает автор, открываются новые перспективы как перед поэтической, так и перед лингвистической семантикой: к примеру, вопрос о значении и проявлении «референтной неоднозначности вообще и в поэзии в частности» может быть обращен к теме «возможных миров» и «множественности реальностей (миров референции)». Мысль Якобсона, если угодно, исходно и потенциально *сказочна* («Это было и не было»)

и поэтична – поэтическая функция предстает как модальное и формальное расширение языка. Подобные и другие возможные проекции мысли Jakobsona, показывает Золя, требуют уточнений и корректировки, в том числе, добавим, сопоставлений с концептами *дискурса* и *письма*. Именно тогда, следует согласиться, в поэзии реализуются допускаемые возможные состояния языка, а коммуникация и референция в поэзии приобретают модальный характер, связывая языковые выражения с множеством возможных миров и контекстов: появляется возможность выведения новых проекций.

Жизненное и творческое в биографии Jakobsona теснейшим образом переплелись – к месту сказать, что темы родства, сходства и совмещений в разных проекциях встречались в личном житетворчестве Романа Осиповича Jakobsona. М.Ю. Сорокина в статье «Ремесло – филолог, или Десять жизней Романа Jakobsona», с особым вниманием сосредоточившись на архивных материалах, показывает сложные и порой трагические повороты жизни ученого, включая «мифологическую составляющую», – в России, советском обществе и эмиграции. Тщательное исследование Сорокиной добавляет новые значимые штрихи к его научным интересам и достижениям – возникает объемная *авто-био-графия*, где научный интерес перекликается с темой политического активизма «окраинных народов». Это исходное внимание требует своего *остраненного* взгляда и собственного *самовитого* слова. Jakobson, выступая как социолог, этнограф, языковед и политолог, показывает Сорокина, чрезвычайно внимательно исследовал проблему соотношения языковых и этнографических границ – сразу заявил себя как критик принципа самоопределения народов и стремился к обнажению принципа по существу вне исторической целесообразности и историко-политических проектов. Именно сегодня, добавим, стоит только еще раз с благодарностью взглянуть на творческое *дело* Jakobsona в ситуации, когда формально положенные границы стали причинами противостояний и войн.

Линда Во подробнейшим образом вводит в мир творческого сотрудничества с Jakobsonom – показаны не только принципиальные стратегии, но и повседневная практика творчества. Выдающийся ученый открывается навстречу *новому* – намечены теоретические инварианты мысли и экзистенциальная настроенность поиска. Действуют, как показывает Линда Во, «чары звуков речи», радость поиска и обретения созвучий разнообразных форм языков жизни от идей «звукового символизма» до темы «словесное искусство детей». Опосредованность/непосредственность проникали во многие идеи и построения, будучи обращенными не только к анализу разнообразных тем, но и к *чарам* побуждающей энергии поиска.

Было бы неполным представление творческой жизни Jakobsona и жизни его идей без обращения к изучению и переводам его трудов в Китае. Эту работу выполнил Лю Дань, показывая китайский извод идей Jakobsona. Можно сказать, основываясь на статье, что в китайском контексте более всего востребована тема синтетичности семиотических подходов и рассмотрение вербальных и невербальных искусств в целостном культурном контексте, где эстетика предстает как культурная семиотика. *Поэтика* Jakobsona, отмечает Лю Дань, в контексте китайской культуры предстает как *миф*. Поэтика обнаруживает в себе структуры параллелизма, характерные как для поэзии, так и для мифа. Наиболее значимой в актуальной китайской литературной и эстетической теории оказывается проблематика структурных сходств, параллелизм целостностей семиотических и культурных образований.

Хроника основных событий жизни и творчества Jakobsona в совокупности с объемной и тщательно составленной библиографией трудов Jakobsona и литературы о нем, что подготовил Хенрик Баран, логично завершает том исследований.

Событие книги состоялось. Чего, все-таки хочется спросить, не хватает сборнику исследований, посвященных мировому «феномену Jakobsona»? Имело бы смысл обратить внимание на исследования, где показано преобразование линии формализма в линию структурализма. Ведь анализируя фольклор, Jakobson и Богатырев называют его особенной *формой* творчества – понятие структуры еще не приобрело концептуальной наполненности, хотя содержательно к нему приближено. Это свидетельствует

о значимости идей отечественной эстетики формы для становления структурного мышления. Соответственно, идеи сорасположенности и соотношенности – со-бытия в плане общения и события в его онтологической укорененности – могут быть спроецированы не только на предшествующую традицию отечественной мысли, но и укоренены в современные дискуссии о путях развития философии и гуманитарного знания. И в современной ситуации, где внимание к *эстетическому* способствует осмыслению возможностей утверждения *этического* и *антропологического*, появляется актуальная тема *субъекта-свидетеля* вослед фигуре *поэта-мыслителя*.

Ссылки – References in Russian

Автономова, Бáран, Щедрина (ред.) 2017 – Автономова Н.С., Бáран Х., Щедрина Т.Г. Роман Осипович Якобсон. М.: РОССПЭН, 2017.

Эйхенбаум 1969 – Эйхенбаум Б.М. Творчество Ю. Тынянова // Эйхенбаум Б.М. О прозе. Л.: Художественная литература, 1969. С. 380–422.

References

Avtonomova, Natalia S., Baran, Henryk, Shchedrina, Tatiana G., eds. (2017) *Roman Osipovich Jacobson*, ROSSPEN, Moscow (in Russian).

Eichenbaum, Boris M. (1969) “Creativity of Y. Tynyanov”, *About prose. Digest of articles*, Khudozhestvennaya literatura, Leningrad, pp. 380–422 (in Russian).

Mukařovsky, Jan (1966) *Studie z estetiky*, Odeon, Praha.

Popovič, Anton (1970) *Strukturalismus v slovenskoj vede (1931–1949). Dejiny. Texty. Bibliografija*, Matica Slovenská, Martin.

Сведения об авторе

ГРЯКАЛОВ Алексей Алексеевич –
доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии и истории философии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Author’s information

GRYAKALOV Alexey A. –
DSc in Philosophy, Professor
at Department of the Philosophical Anthropology
and History of Philosophy,
Herzen State Pedagogical University.